

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
--------------------	---

Часть I. Истории из Красноярска

Глава 1. Чудесная кукла с востока	8
Глава 2. «Суриковская гимназия»	28
Глава 3. Купцы и клады	46
Глава 4. Мифы крайкома	49
Глава 5. Странные существа из новостроек	63
Глава 6. Смех и топот в ночи	72
Глава 7. Вокруг сектантов	79
Глава 8. Подсказка?	93
Глава 9. Казацкое кладбище	95
Глава 10. Дворянин Комиссаров	110
Глава 11. Душа деревьев	119
Глава 12. «Соседи снизу»	127
Глава 13. Истории Николаевской горы	140
Глава 14. Экстрасекс Какашкин	156
Глава 15. В мире познания... и выдумок	167

Часть II. Истории, связанные с реками и озерами

Глава 1. Маранкулька	178
Глава 2. Коряга на старом озере	183

Часть III. Истории разных градов и весей

Глава 1. Провалившиеся сквозь землю	200
Глава 2. Кладбищенские истории	205
Глава 3. Деревенские нечистики	212
Глава 4. Покойник из ямы	215
Глава 5. Призрак подрядчика	223
Глава 6. Шаманская пещера Кашкулак	226
Глава 7. Писаницы — храмы без крыш	234
Глава 8. «Чертово кладбище»	294

Материальный мир вообще место
очень таинственное.

Архиепископ Антоний Сурожский

Введение

Все подвергайте сомнению, но
помните — как раз самые невероят-
ные истории вполне могут оказаться
совершеннейшей правдой.

Ганс Шомбургк

В эту книгу вошли истории о встречах с необычным. Часть их произошла со мной, или я был свидетелем происходящего. Часть приключилась с людьми, которым я доверяю.

Разумеется, рассказанное приходилось отбирать, и отбирать довольно жестко. Наука выработала прекрасный интеллектуальный аппарат, позволяющий отделять истину от выдумки и реально существующее от фантомов человеческого сознания.

В проверке историй на достоверность я применял этот старый добрый метод: не брать сообщения на веру, а искать подтверждений рассказам. Смотрел, насколько можно доверять информатору; отсекал явно нечестных или явно больных людей. Отсекал свидетельства, откровенно ангажированные политически или коммерчески. Сомневался в рассказах, которые не подтверждались хотя бы одним свидетелем.

Но все время я помнил истины, вынесенные в эпиграфы: что истиной могут оказаться самые неожиданные, даже невероятные сведения. Что мир — место очень таинственное; что границ того, что «может» и чего никак «не может» в нем быть, не знает попросту никто.

Очень часто достоверность сообщению придают детали, которые самому информатору кажутся невероятными.

Так в свое время финикийские мореплаватели, отправившись вокруг Африки из Красного моря, через три года приплыли к Гибралтарскому проливу. Они привезли множество невероятных историй, в которые не в силах были поверить современники. Одной из самых нелепых историй было то, что по мере путешествия на юг солнце стояло все выше, пока не оказалось прямо над головами мореплавателей. Потом солнце начало всходить по небосклону все ниже и ниже, а в какой-то момент все повторилось сначала: солнце вставало все выше, вплоть до того, что оно оказалось прямо над головами мореплавателей и потом начало подниматься все меньше и меньше...

Сами финикийцы честно фиксировали все происходящее, но объяснить явление оказались не в силах: они ведь не знали, что Земля шарообразна и что такое ее экватор! Тем более они не знали, что пересекли экватор дважды: когда плыли вдоль восточного побережья Африки на юг и когда «поднимались» на север вдоль ее западного побережья.

Для современников этого плавания, примерно в 610 году до Рождества Христова, эти детали могли казаться враньем или в лучшем случае нагромождением нелепостей. Но мы как раз на основании этих деталей уверенно утверждаем — финикийцы побывали в Южном полушарии, проплыли вокруг Африки.

Я старался приводить все детали, даже казавшиеся мне странными или малопонятными. Может быть, именно эти детали смогут исследовать те, кто будет знать больше нашего.

Происшествия, о которых я рассказываю, случались в разных местах, в разное время. Удобнее всего было сгруппировать их именно по этому принципу — по тому, где именно они происходили.

Итак, вот истории о столкновении с необычным — в Красноярске, в других городах и деревнях Красноярского края, в его лесах, болотах и пещерах. А также в тех местах, где я побывал за свою достаточно бурную жизнь.

Часть I

ИСТОРИИ ИЗ КРАСНОЯРСКА

Глава 1. Чудесная кукла с востока

— О чем это вы тут?

— Да вот обсуждаем, как нам лучше
убить двух стариков...

Е. Богат

Эта история произошла в Красноярске как раз перед самой финансовой катастрофой августа 1998 года. Все герои этой истории живы и здоровы, хотя один из них, «новый русский» Дмитрий Сергеевич, стал значительно беднее, а его дочка — значительно менее здоровой. Но все имена я, конечно же, перемену.

Началась же история с того, что жена Дмитрия Сергеевича сбежала с неким жиголо... В смысле, с молодым человеком, который отплясывал с обеспеченными дамами в дамских клубах, утешал их разными способами — в зависимости от того, насколько бдительным был муж и приставленные им стражи. В обмен на внимание дамы обеспечивали мальчику привычный для него уровень жизни, радовали его разными подарками. Чего только не отдаст женщина за искренний интерес и бескорыстное восхищение!

Елена Алексеевна была дама с собственными средствами, помимо денег мужа, она сумела без особого труда увести жиголо всерьез и надолго для себя одной. Так сказать, взяла его на содержание и увезла то ли на французскую Ривьеру, то ли на Канарские острова... В общем, в одно из мест, где «тусуются» богатые бездельники.

А у Дмитрия Сергеевича осталась от жены ребенок, дочка пяти лет. Жена назвала ее Аурелией, но папа звал девочку Катей... Это было, так сказать, домашнее, неофициальное имя.

Дмитрий Сергеевич женился второй раз, но не могла же его жена сама заниматься ребенком?! Во-первых, это не ее ребенок, и нечего взваливать чужие дела на бедную женщину. Во-вторых, ну не может же жена такого почтенного, такого обеспеченного человека сама заниматься домашним хозяйством?! И воспитанием ребенка заниматься ей совершенно незачем.

Поэтому пока вторая жена, Валентина Николаевна, ходила беременная, ребенком занималась гувернантка Леночка. Друг другу они совершенно не нравились, потому что Леночку вырастили существом активным и с огромной склонностью о ком-то заботиться. А Валентина Николаевна хотела только одного — быть обеспеченной и ничего решительно не делать. Она спала до часу дня, а потом валялась перед телевизором или слонялась по подружкам.

— Так это же идиллия, Леночка! — сказал я ей, когда мы обсуждали эту историю, — Множество баб глотки перегрызут кому угодно: денег сколько угодно, и можно ничего не делать!

— Не дай вам бог, Андрей Михалыч, такой «идиллии»... Ну посудите сами, вот выходит женщина за большого бизнесмена, как сейчас говорят, за «крутого». Для многих это идефикс, сразу куча завистниц, подружки чуть ли не рыдают. Или была она замужем, а муж «закрутел»... или «закрутинел», как лучше сказать, Андрей Михалыч? Вот, закрутинел, стал богачом, и начинается...

Говорит: не работай, нечего! Я что, семью не могу содержать?! Я могу... И — я здесь хозяин! Коли прихожу домой — изволь быть туточки...

А зачем, спрашивается, ей здесь быть? Кормить его она не кормит. Муж или приезжает уже сытый, или кормит его прислуга. Причем кормит тем, что готовит опять же не жена, а прислуга. Он часто и вообще не приходит, или при-

ходит... ну вы понимаете... после общения с другими дамами... А что можно сказать? Он за все платит, он хозяин.

Самое главное — чем ей вообще заниматься, этой «счастливнице»? Если не работать, и своего дела у нее в жизни нет, тогда чем вообще заполнить время?

— Ну-у... Домашним хозяйством? Муж зарабатывает, жена дом ведет...

— В наше время на это столько времени не надо. Полуфабрикаты, услуги, все могут сделать специалисты. На ведение дома нужно раза в три меньше времени, чем в эпоху керосинки...

Коме того, для кого дом-то вести? Муж проснулся часов в шесть, уехал на работу. Иногда таблетку принял, чтобы быть в силах проснуться, но, уверяю вас, проснулся и уехал. Или там шофер его увез. А в 11, в 12 ночи муж приехал, или его привезли. Муж упал и сразу же заснул. Проснулся в шесть... Улавливаете некоторый круг, Андрей Михалыч?

— Вроде улавливаю. Но еще же есть и воскресенья.

— А по воскресеньям он будет просто спать, Андрей Михайлович! Элементарно отсыпаться. К вечеру проспится, примет ванну, оденется, поедет в гости. Иногда с женой — тогда будь добра соответствовать. В смысле, макияж, одежда, пара кило золота.

Зачем делать дом, уютный очаг для такого человека? Он не оценит, уверяю вас. Ему просто не до очага, у него нет на очаг времени и сил. Если даже дать ему очаг, он не будет знать, что с ним делать.

— Ты же говоришь, он сам хочет, чтобы жена не работала...

— Тут вопрос престижа, неужели не понятно? Еще и пережиток некоторый в нас всех до сих пор сидит — ну как же, обеспеченная семья, женщина, само собой, не работает, делает дом... Голсуорси, Толстой, Марк Твен...

— Прошлый век?

— Прошлый век, другая культура. Культура, в которой есть ценность дома, семьи... А эти-то откуда? Из домов?

Нет, очень редко. Мало у кого в детстве был дом как особое место, где его всегда ждали, любили... Эти люди из пятиэтажек, а то и из общежитий. Дом? Это для них такое место, где стоят стулья и кровати. Дом и помещение — это для них одно и то же...

— Ну... тогда можно заниматься детьми. Делать дом, но уже не для мужа, а для детей... Это же куча работы!

— Этим тоже занимаются специалисты, за деньги. Научить ребенка языкам? Пожалуйста! Плати доллары, научат! И в Англию повезут, и в Америку, и в семьях там дети жить будут, и все, что только душеньке угодно.

Так со всем, не только с языками. Нужны детям хорошие манеры? Нужно, чтобы они хорошо танцевали, умели бы вести себя за столом у английской королевы? Научим! Вот я этим и занималась, знаю.

Ребенок интересуется ботаникой? Или геологией, или там... ну, заселением Полинезии, по Туру Хейердалу. Что ж, всегда найдем специалиста, он с ребенком позанимается — сделает, найдет, растолкует. Умная, образованная мать тут не нужна... В смысле, можно обойтись и без нее.

— Бабушка у меня всегда говорила, что дом стоит на неработающих женщинах. Если есть женщина, которая ведет хозяйство, обо всех заботится, всех кормит и всем стирает носки, — уже есть дом. А такая женщина еще и помнит все дни рождения, всех родственников, всех друзей, кто на ком женился, кто с кем сошелся и кто любит какую еду или сидеть на каких табуретках...

— Все верно, Андрей Михайлович, только ведь ваша бабушка и представить себе не могла, что люди могут жить без семьи и без этого самого дома. Тем более что люди могут и не хотеть никаких таких семьи и дома. Для поколения бабушек были только семьи хорошие и плохие. Хорошие — это где муж богатый, а жена здоровая; где все устроено по разуму, где много вкусной еды, где дети ухоженные и здоровые. А плохие, соответственно, где муж пьет, жена лентяйка, дети сопливые, бегают без присмотра...

Тут ведь все совсем не так, поймите... Тут жена и не работает, а все, что она может делать в доме, все равно никому заведомо не нужно. Пусть она окажется хоть гением домашнего хозяйства — ну и что?

— Тогда, получается, у них и дома никакого нет, нет и семьи...

— Так зачем она им, «новым русским»? Они живут работой, на работе. Там их дом и есть. У многих сравнение офиса и дома — не в пользу дома. В офисе все продумано, вплоть до дивана и до сауны. Не ухмыляйтесь, Андрей Михайлович, не ухмыляйтесь и не думайте сразу плохого! Чаще всего кушетка нужна для отдыха, если работают круглые сутки. А сауна — опять же отдых, деловые встречи... Дома — постоянный ремонт, бардак, который закончить вечно чего-то не хватает — то ли денег, то ли все-таки особого желания...

— А любовь? А к детям любовь?

— Да в их жизни все эти сантименты — все эти любви, преданности, домашние уюты, кудряшки, первые зубики, штанишки — занимают такое убогое место, что даже говорить неловко. Они об этом, кстати, и не говорят — некогда, не с кем, да и стесняются. Их на все это не возьмешь. Что называется, не на тех напали.

— Ну а все-таки про женщин. У тебя получается, женщинам делать в жизни новых русских просто в принципе нечего.

— В том-то и беда... Им и правда совершенно нечем жить... Причем зависимость колоссальная, просто сверхзависимость какая-то. В прошлом веке муж зарабатывал все деньги, но он и ответственность нес. Без мужа-то не прожить ей, жене. А раз так — то и бросать нельзя. Бить можно, пугать можно, затюкать до рабского состояния... но не бросать. А нынешние что, без мужа не проживут?! Прекрасно проживут себе, так что и моральных запретов куда меньше. Но уровень-то жизни, положение в мире дамы сразу потеряют, без вопросов, стоит только мужу их оставить... Получается, что особой ответственности он не несет, но вот лишить может сразу и многого.

К зависимости — еще и полная беспомощность. Держать-то нечем... Про семью, про дом мы говорили. Детей можно поднять и без матери. Тем более, считается, она и не очень нужна — все сделают специалисты. Простите, секс? Ну вот, вы уже усмехаетесь.

Так что делать бабам нечего и незачем. Это факт, Андрей Михайлович, и это-то самое страшное. Самоутвердиться — терпеть не могу этого слова, а что делать, — самоутвердиться им не на чем и негде. Муж — это все, это глыба, а она — так себе, придаток... Совсем не обязательный придаток. Отсюда и стремление себя поставить... ну хотя бы на словах; соответственно, критичность, вечная оппозиция всему, что делает муж. Хотя этому есть и еще одна причина... Думаю, понятная. Ну, и все прелести женского одиночества, неуверенности, зыбкости положения — тут и истеричность, и «невры», и деградация. И нравственная, и даже чисто внешняя. Для кого, спрашивается, быть красивой и милой?

— Неужто никаких шансов? Что называется, полная безнадега?!

— Не полная, конечно... Кому нужна нормальная семья, тот ее и строит. Только ведь сперва надо захотеть что-то иметь, а таких мало.

Еще хорошо, когда они оба в одном общем бизнесе; тогда им есть о чем разговаривать, у них общие суждения, общие интересы... Это не традиционная семья, это уже что-то другое, но это семья.

Или хорошо, когда у жены есть что-то свое, пусть во все и не в бизнесе. Была гувернанткой у одних, где она — художница. Свой мир, свои знакомые, свой образ жизни... Это уже брак не такой и неравноправный, тут весовые категории сравнимые. У женщины есть своя жизнь, какой-то свой профессиональный круг, свои средства... Если она и останется одна — не только не пропадет, но и себя вполне сохранит. Нет неуверенности, напряженности этой, страха... Нормальные отношения, равноправные.

— Лен, а ты как считаешь, новые русские это понимают?

— По-разному... Мужики из предпринимателей себе обычно кого ищут? Они же тоже самоутверждаются. Если тебя самого комплексы к земле тянут, кого тебе тогда нужно? Да того, кто согласен на роль семейного придатка, заранее готов. Того нужно, кого можно об колено ломать и чувствовать, какой ты сам умный и сильный. Или кто сам активничает, нового русского себе ищет: делай со мной что хочешь, только обеспечить. Женщина самостоятельная ведь этого делать не будет, вы же понимаете, Андрей Михалыч, и на роль придатка она совершенно не годится...

Такой вот разговор состоялся уже после этой истории.

А до нее — разбирайтесь сами, идиллия там была или не идиллия, в этой семье, а только было вот как: Дмитрий Сергеевич появлялся в доме на несколько часов, исключительно для того, чтобы выспаться. Катю он почти что и не видел, а если видел — не знал, о чем с ней говорить. Он никогда не занимался с ней. Ни разу за все время службы Лены не проговорил с ней больше нескольких минут. Лена читала с Катей, ходила с ней гулять, рассказывала сказки, мыла ее, учила всяким простеньким, но полезным вещам.

— Посуду ведь все равно надо мыть! Так почему не сделать это весело?!

И они с Катей-Аурелией мыли посуду весело и с удовольствием, а потом шли гулять. В плохую погоду лепили пирожки или делали торт... Дмитрий Сергеевич все удивлялся, зачем Лена печет торты и учит этому Катю. Да еще приносит ему, валяющемуся от усталости, эти тортики в кабинет.

— Пусть она учится делать что-то по хозяйству...

Дмитрий Сергеевич дико уставлялся на Лену: что за чепуха?! Женщины его круга не занимаются такой ерундой, как всякое домашнее хозяйство! Этим занимаются разные дуры, которые не успели ухватить своего, не крутанулись, не сумели разбогатеть, набить зоб свой, подняться над серой массой быдла, которое работает и само печет пирожки...

— Еще это способ любить вас, Дмитрий Сергеевич. Я хочу, чтобы Катя вас любила, и хотела бы делать что-то приятное для вас. Почему бы и не тортик?

На такие речи Дмитрий Сергеевич смотрел еще более дико, и Лена видела — он старательно пытался думать, причем о чем-то страшно непривычном. Умный человек на четвертом десятке даже сопел и кряхтел от таких сложных мыслей, и лицо у него делалось несчастное.

Трудно сказать, насколько привязалась Катя к отцу, но к Лене привязалась чрезвычайно. И еще к огромному Пушку, злополучному коту-кастрату. Несчастливого Пушка изуродовали месяцев в пять, и он теперь делал только две вещи: жрал и спал. Больше всего это животное походило на огромную мохнатую колбасу, из которой спереди торчит круглая голова с глазами навывкате, а сзади хвост — всегда под одним и тем же углом, потому что двигать Пушок мог только самыми последними суставами хвоста. Те, что ближе к попе, тонули в геологических слоях жира, почти что не двигались. Голова тоже двигалась плохо; если Пушок хотел что-то увидеть, он поворачивал не голову, а всю передняя часть тела, или даже поворачивался весь.

Валентина Николаевна иногда с Пушком «играла»: ставила его на лестнице, благо квартира на двух уровнях, и пинала сзади. Даже не пинала, а так — придавала ускорение. Кот, издавая пронзительное «У-ууу!!!», семенил вниз по лестнице, не в силах ни остановиться, ни свернуть. Он набирал такое ускорение на лестнице, что бежал через всю комнату, влетал в кладовую, открыв ее головой, и только там мог остановиться, развернуться вокруг своей оси. Но когда котяра уже собирался выскочить из кладовой и удрать, его снова ловила хохочущая Валентина Николаевна, тащила наверх. Кот шипел, плевался, завывал, но пустить в ход когти у него никак не получалось — слишком медленно кот двигал своими заплывшими, едва ходящими в суставах лапами. Согнуть лапу он почти и не мог, потому что лапа у кота больше всего напоминала валик подушки.

Но видимо, что-то нормальное, кошачье, свойственное всему живому все же оставалось в этом заплывшем дурным салом, изуродованном существе: кот забирался на Катю, на руки, обхватывал за шею передними лапами, мог

часами петь громко, как моторная лодка. Лене приходилось перекрикивать кота, если она читала Кате.

Когда готовили что-то в кухне, кот укладывался на стол, прямо на тесто, и приходилось его сгонять; тогда кот перебирался на колени к Кате или к Лене и пел, как подвесной мотор.

В спальне Кати стояла специальная кровать для Пушка — точно такая же, как у девочки. Катя перед сном укладывала кота в эту кровать. Она даже пыталась одно время надевать на кота ночную рубашку, но он так шипел и плевался, что Лена без труда уговорила Катю играть с котом как-то иначе.

Кот упорно не желал спать под одеялом, а на подушку клал не голову, а хвост... но это уже другое дело... Главное, что кроватей в спальне было две, и Катя часто шалила — забиралась в кошачью кровать; как-то раз она там на самом деле заснула, а Пушок улегся рядом, нисколечко не возражая.

Так что в доме все-таки жили любящие друг друга и преданные друг другу существа.

А Валентина Николаевна... спала до часу дня, потом орала на прислугу, вяло шаталась по косметическим кабинетам и магазинам, каким-то женским клубам, валялась на диване перед видеокомбайном, часами смотрела телевизор. Лена ни разу не видела, чтобы она села за компьютер, раскрыла бы книгу, пыталась что-то сделать руками. Это было дико Лене; она не понимала и не очень уважала вторую жену хозяина, старше ее самой лет на пять.

Конечно, Валентина Николаевна презирала Лену — не сумевшую подняться, встать над стадом серого быдла, которое само моет посуду и печет тортики. А тут еще это быдло жило весело и с удовольствием, без раздражающего рот зевания посреди дня, без мучений, как убить побольше времени. Орать на Лену и обижать ее Дмитрий Сергеевич запретил; от этого Валентина Алексеевна ненавидела Лену еще больше.

Ну и, конечно же, Катя... Лена прекрасно видела, что Валентина Николаевна люто ненавидит Аурелию, особенно с того времени, когда сама понесла. Понятна была и причина: наследство. Быть матерью единственного наследника или одного из нескольких — это для нее оказывалось таким важным, что при одном виде Кати Валентине делалось нехорошо.

Никак нельзя сказать, что Валентина Николаевна вести себя не умела. Еще как умела! По сравнению с ней как раз Лена казалась наивной простецкой девчонкой, у которой что на уме, то и на лице написано. Но как ни улыбалась Валентина Николаевна масляной улыбкой, как ни прищуривала глаза, ни тянула, сюсюкая, слова: «Ой! Вот она, и наса детоцка!» — а сразу было видно, с каким удовольствием она сомкнула бы на детском горлышке длинные, тонкие пальцы с кроваво-красным лаком на ногтях. Прищур глаз будил в сознании не уютные материнские выражения, а прищур хищника перед броском через заросли, напряженное внимание солдата, поднимающего ствол над бруствером, прищуривающегося туда, где перебегают фигурки в чужих мундирах.

Чувствовала это и Катя, напрягалась, зажималась при виде Валентины Николаевны. А уж когда девочка, шарахаясь от одной, сильно привязывается к другой, как же тут ее не возненавидеть?! Хоть выпячивай нижнюю губу, хоть нет, а чувствуешь превосходство этой... к которой мчится ребенок, услуги которой ценит муж.

Особенно же неприятна Лене была одна из подружек Валентины Николаевны, Кира Викторовна. Длинная, тощая, с узким личиком, с тонкими изогнутыми губами стервы. Может, потому, что, бесцеремонно оглядев Лену, скрылась в комнате Валентины Николаевны, и оттуда донеслось громкое:

— Ты права, забавная зверушка!

Или потому, что еще чужероднее, еще страннее Валентины Николаевны для Лены была Кира Викторовна.